

Я посвящаю эту книгу всем, кто сбился со своего пути.

Всем, кто находится в отчаянии, потерял надежду.

Помните простую истину: самый темный час перед рассветом.

«И сильный будет отрешем, и дело его — искрою; и будут гореть вместе, — и никто не потушит».

Ис. 1:31

Часть 1

Против правил

1

Странное чувство. Я смотрела на этот мир, на себя со стороны. Казалось, что все это спектакль или отрывок из бессмысленного фильма. Может, я умерла? Или вижу сон? Но нет. Кажется, это реальность, только с налетом беспричинного страха и искаженными ощущениями.

Передо мной стена палаты, ослепительно белая, как свежий снег. Я смотрела на стену, заметила бугорки на ней, все неровности, нелепо скрытые под краской. Хотелось расковырять эту стену, увидеть все, чем была богата ее убогая, лишенная краски поверхность.

Вот так же хотелось поступить и со своей головой. Внутри нее туман. Мне хотелось разгадать, что он прячет. Найти истину, от которой я была далека. Я очнулась недавно, а, может, и давно. Время для меня было стерто. Меня привели в эту палату с белоснежными стенами, оставили одну.

Вдруг из тумана послышался голос. Мой голос. «"Абиссаль". Я во всем виновата. Я во всем виновата! "Абиссаль"... Их смерть — моя заслуга. Я во всем виновата. Я должна ответить за все, что сделала. Я во всем виновата. Другого пути у меня нет. Я не смогу спасти себя.

Я во всем виновата».

Я смотрела на него и не понимала, что со мной происходит. Его маленькое сморщенное лицо покрылось багровыми пятнами из-за безудержного крика, что исходил из его крохотного тельца. Казалось, что внутри него бушует буря, каждый участок тела подчинен нестерпимой боли.

— Ну что ты смотришь на него, как на пришельца? Это всего лишь ребенок, — не выдержала Одетт.

Это была третья неделя после родов. И за все эти три недели я только раз к нему прикоснулась, когда врач поднес его ко мне, а я еще не отошла от наркоза и искренне радовалась, что все мои мучения закончились. На следующий день я проснулась и поняла, что ничего не закончилось. Я все еще была в капкане, а Север все это время наблюдала за мной. Теперь еще у меня есть ребенок, сын, очередная мишень. То, что у меня могут отнять в любой миг, стоит мне сделать неправильный выбор. Что-то произошло в моей голове. Мое сердце, моя душа никак не хотели признавать этого ребенка. Может быть, я не могла смириться с мыслью, что я теперь мать. Мое тело до сих пор помнило те тяжкие муки, через которые ему довелось пройти. Может, я не хотела к нему... привязаться, чтобы не так больно было терять. Я не знаю. Но теплоты и той гигантской любви, о которой пицчат все счастливые мамочки на планете, я не испытывала.

И как хорошо, что все это время рядом со мной были Стив, Одетт, Ванесса и Арбери. Женщины се-

мейства Боуэнов окружили любовью и заботой моего сына, рассказывали, показывали, как с ним обращаться, потому что я абсолютно не знала, что делать с этим беспомощным существом.

— Натаниэль Морган Конройд, — гордо произнесла Одетт, взяв малыша на руки, — не завидую тебе. У тебя самая непутевая мамаша.

Конечно, Одетт единственная, кого жутко раздражало мое поведение, ведь я полностью переложила все обязанности на нее и Ванессу. Хотя правильнее было бы сказать, что раздражало это всех, но миссис Чемберлен единственная, кто не стеснялась в выражении своих чувств.

Я отвернулась, пытаюсь хоть на секунду отвлечься от крика Нэйтана и его пугающего, измотанного вида.

— Глория, ты чего? — спросила Одетт.

— Мама, аккуратнее со своими шутками, — жестко ответила Ванесса.

— Да я не хотела тебя обидеть!

Миссис Боуэн подошла ко мне, обняла за плечи.

— Глория, я понимаю, тебе страшно. Нам тоже было очень страшно, так ведь, мама?

— Конечно! Каждая женщина пережила этот страх, но не каждая готова в этом признаться. Мы ведь все хотим казаться идеальными.

— Давай, возьми его на руки, не бойся, — ласково сказала Ванесса.

Я медленно подошла к кроватке, куда Одетт положила Нэйтана. Увидев меня, он на мгновение притих. Слезы застыли прозрачными линиями на его пухлых щечках, малюсенькие пальчики сжались в кулачки.

— У меня руки дрожат, я его уроню.

— Мать никогда не уронит своего ребенка, запомни это, — сказала Одетт.

Ясно-голубые глаза изучали меня с любопытством, а у меня всерьез тряслись руки. Я так боялась причинить боль этому хрупкому созданию. К тому же я ощущала себя такой грязной, даже мерзкой, словно то

предательство, на которое я сама себя подписала, перестало быть абстрактным, приобрело материальную оболочку. Оно выходило наружу из меня и застывало убогими серыми ошметками.

Мой мальчик не заслужил быть частью меня.

— Нет, — резко ответила я и зашагала к двери.

— Глория?.. — растерялась Ванесса.

— Ванесса, покормите его, пожалуйста!

Я хлопнула дверь, прислонилась к ней спиной и зарыдала.

— Может, отвести ее к психотерапевту? — услышала я взволнованный голос Одетт.

— Посмотрим...

За весь период подготовки к родам, затем моего восстановления после рождения сына Мелания Уайдлер никак о себе не напоминала. Мой телефон молчал, а раньше, когда Стив был в Манчестере и участвовал вместе с «Абиссаль» в истреблении «Батчерс» и поисках Север, она довольно часто звонила мне, чтобы я ей вновь слила информацию про своих людей. Север будто знала, что на данный момент я не могу быть в ее стае. Ее молчание меня одновременно пугало и радовало. Я была счастлива не слышать ее голос хотя бы несколько недель. Но в то же время меня не покидала мысль, что она так близко, все обо мне знает, контролирует и, когда я вновь вернусь в строй, снова наберет мне и сообщит очередное гнусное задание.

Пока я размышляла об этом, Стив, Арбери и Ноа были полностью увлечены Нэйтаном. Стив держал сына на руках, гримасничал, Арб следила за тем, чтобы Стив в процессе игры не забывал о безопасности малыша и не уронил его, а Ноа громко хохотал и подпрыгивал, чтобы посмотреть на реакцию Нэйтана.

Стив был невероятно счастлив. Он стал еще более мягким, заботливым и серьезным. Хотя в глубине души я все же сомневалась в том, что он сможет стать идеальным папой. В итоге как же крупно я заблуж-

далась. Мой муж занимался ребенком, практически не выпускал его из рук, менял подгузники, причем так уверенно, готовил смеси, кормил его, успокаивал, не показывая свою усталость. А я просто сидела за книгой, спала, готовила и гуляла в одиночестве, и ненависть к собственной персоне росла во мне как раковая опухоль.

— Ноа, ты чего такой любопытный? — спросил Стив, заметив, как белокурый мальчишка, не жалея сил, все прыгает и прыгает, чтобы как следует насмотреться на Нэйтана.

— Никак не может смириться, что он теперь не самый мелкий в этом доме, — ответила Арбери.

Стив кинул взгляд на меня, отрешенную мать.

— Арб, побудь пока с Нэйтаном.

— С радостью.

Стив передал сына Арбери и подошел ко мне.

— Малышка, пойдём прогуляемся?

— Не хочется.

— Ой, слушай, мне Одетт рассказала про одно шикарное место. Можем взять авто в аренду и смотаться на пару деньков.

— Стив, что ты делаешь? — не выдержала я.

— ...Предпринимаю жалкие попытки развеселить тебя.

— Остановись, это не поможет.

— Может, тогда доктор поможет?

— Что?

— Я наткнулся в интернете на статью про послеродовую депрессию. У тебя почти все симптомы.

— У меня нет никакой депрессии!

— Да? Тогда почему ты относишься к нашему сыну как к неодушевленному предмету?

Мне стало больно от его слов, аж дыхание перехватило.

— Ты не поймешь меня. Очень тяжело объяснить то, что я чувствую сейчас. У меня нет желания брать его на руки, я не хочу ему улыбаться, строить забавные

рожицы, как вы все это делаете. Я... я даже накормить его не могу, у меня нет молока, — из моих глаз посыпались слезы. — Одетт права, я — отвратительная мать...

— Ты самая лучшая мама на свете, — сказал Стив, заключив мою ладонь в свою. — Нэйтан чувствует это, поэтому он так тянется к тебе. Не отталкивай его, пожалуйста. Дай себе шанс.

Переломный момент случился буквально через два дня после нашего разговора. Я проснулась от крика малыша. Стива рядом не было.

— Одетт! — крикнула я.

Ребенок безостановочно кричал и судорожно тряс ручонками, напоминая сломанную заводную куклу.

Я открыла дверь.

— Одетт! Ванесса! Кто-нибудь!!!

На мои отчаянные крики никто не пришел ни через пять, ни через двадцать минут. И вот уже прошло больше получаса. Нэйтан все не унимался.

— Боже...

Я приложила ледяную ладонь к своему взмокшему лбу, подошла к кровати. Мне хотелось плакать вместе с сыном. Я поняла, что беспомощное существо здесь вовсе не Нэйтан, а я. Возьми себя в руки, черт возьми! Что с тобой происходит, Глория?!

— Ну ладно... Если я тебя уроню, ты сам виноват. Знал, на что идешь.

Я медленно, осторожно поднесла его к своей груди, прижала. Сердце мое тревожно забилось, я не знала, что делать дальше. Увидела на тумбочке бутылочку, почти полную. Присела на кровать, взяла бутылочку, поднесла к его губам, а дальше он сам разобрался. Все так просто. И вовсе не страшно, как казалось. Мой сын был голоден и продолжал бы мучаться, содрогаюсь от собственного крика, пока его ужасная мамаша, лишенная рассудка, сидела и ждала помощи. Мне стало стыдно. Перед собой, перед ним, перед всеми, кто нас окружал все это время. Он все понимал, все чувствовал, но также он и доверял мне, не боялся меня.

Мы с ним прошли через столько дерьма. Мы вместе сражались за жизнь, когда ублюдки Север подстрелили меня в лесу. Мы даже не представляем, насколько мы сильные и насколько велика наша любовь друг к другу. Мы все выдержим.

— Прости меня... Я больше не буду бояться. Клянусь.

Все стало налаживаться. Во мне наконец-то проснулся разум. Теперь я уделяла каждую свободную секундочку Нэйтану и по-настоящему этим наслаждалась. Я часами его рассматривала, беседовала с ним, и он стал гораздо спокойнее. Так пролетели почти пять месяцев потрясающей гармонии.

Но однажды ночью я резко открыла глаза. Я вся была в поту, и дрожь овладела моим телом. Это состояние мне было знакомо. Я посмотрела в сторону кровати, где мирно спал Нэйтан, и вмиг перестала дышать, увидев черную фигуру возле нее. Это точно был человек, но его границы расплывались, и лица не было видно. Только чернота.

— Стив... Стив, — в ужасе шептала я.

— Ты чего? Что случилось?

Я посмотрела на мужа, затем перевела взгляд на кровать, но загадочной фигуры уже не было.

— ...Мне показалось, что там кто-то есть.

— Иди ко мне.

Стив обнял меня за талию, прижал к себе, но я его оттолкнула.

— Кажется, я понимаю, что с тобой творится. «Абиссаль», куча амбалов в доме. Все это кого угодно сведет с ума. Я думаю, уже прошло достаточно времени и мы можем уехать.

— Куда уехать?

— Да в тот же Оушенвилл или в любой подобный городок. Снова заживем обычной жизнью.

— И снова нас найдут ублюдки из «Темных улиц»?
— Да кому мы нужны? «Батчерс» и Моро уничтожены. Север исчезла.

Только услышав ее имя, я теряла самообладание.

— Мы не покинем «Абиссаль», Стив, — с горечью сказала я.

— Ты это сейчас серьезно?

— Более чем. Здесь безопасно, надо это признать. Мы до сих пор слишком беспомощны. А еще бедны. Или ты хочешь горбатиться на пяти работах, не видя меня и сына?

— Вот в чем дело... Деньги. Так сразу бы и сказала, а то ходишь вокруг да около. Конечно, Нэйтану будет гораздо лучше, пока его мать и отец зависают в «Темных улицах», работая на Лестера. Разумно, ничего не скажешь.

Стив нащупал на тумбочке пачку сигарет и незамедлительно покинул нашу комнату.

Другого я и не ожидала. Мы мечтали совсем о другой жизни, но теперь все идет не по плану. И разрушителем надежд выступаю я, потому что несколько часов назад я вновь получила сообщение от Север.

А значит, я снова должна врать, служить врагу, бояться. И предавать.

— Я уже стала забывать, как ты выглядишь, — сказала Арбери Лестеру, который внезапно решил нас навестить.

— Да брось.

— Это незаконно — пропадать на такое количество времени.

Вся семья, в том числе и мы со Стивом и Логаном, собрались за столом в гостиной.

— Полностью тебя поддерживаю, Арбери. Чувствую, что скоро Ноа будет называть Логана папой.

— Мама...

— Ванесса, я всего лишь говорю то, что ты хочешь сказать, но тебе как всегда не хватает смелости. Лестер, когда ты уже будешь думать о семье? Переезжай к нам, здесь тоже можно открыть неплохой бизнес.

Лестер нервно провел по своим волосам в тон мрачных глаз.

— Одетт, я искренне ценю вашу заботу, но мы уже сотню раз об этом говорили, и я не собираюсь вновь возвращаться к этому вопросу. Я думаю о своей семье, поэтому и вынужден жить в разлуке с ней. Разговор окончен.

Повисло напряженное молчание. Было заметно, как Лестеру трудно сдерживать свое раздражение. Он так же, как и я, в безвыходном положении. Лестер бы все на свете отдал, чтобы просыпаться каждое утро в постели со своей любимой женой, видеть, как растет его сынишка, радоваться успехам Арбери, помогать ей, чтобы та пошла по стопам погибшей сестры. Но ту кошмарную ночь на Ланаи он никогда не забудет. И конечно же, в его памяти навечно застряла картина, как Джеки истекал кровью, а он ничем не мог ему помочь. Ради дорогих людей приходится жертвовать собой, своей жизнью и бросать вызов всему миру.

— Лестер, — набравшись смелости, сказала я.

— Да, Глория?

— ...Я хочу вернуться в Манчестер.

— Что?! — воскликнула Арб.

— Ничего себе, могла хотя бы предупредить... — сказала Одетт.

Стив лишь посмотрел на меня раздосадованно, он помнил наш последний разговор, но не верил, что я настроена настолько серьезно.

— Да, неожиданно. А что повлияло на ваше решение? — спросил Лестер.

— Мы соскучились по друзьям, по Америке, — на ходу выдумывала я, — пора вернуться в прежнюю жизнь.

— Но ведь тебе нужна помощь? Как же Нэйтан? — обеспокоенно спросила Ванесса.

— Я справлюсь, Ванесса. Вы меня всему научили.

Все присутствующие были шокированы моим заявлением. Да и я тоже не находила себе места. Я просто в эти минуты убивала свою счастливую, беззаботную жизнь.

— Ну что ж, как угодно. Самолет послезавтра. Поедем все вместе.

— Спасибо...

— Стив, с тобой все хорошо? Выглядишь немного ошарашенным.

— Я в порядке, — с трудом ответил Стив. — Мы возвращаемся в Манчестер.

2

Этот период моей жизни я бы назвала «Возвращением в ад». Я не верила собственным глазам, все казалось давно забытым сном. Знакомые улицы, дороги, безликие дома, что за собой скрывали коллатерали, где живет смерть. Я смотрела на все это, пока мы ехали со Стивом и Лестером, и боролась сама с собой. Мне необходимо было изображать радость, как я соскучилась по моему Манчестеру, как здорово снова вернуться на Темные улицы, вспомнить, кто я есть на самом деле. Затем я посмотрела на Стива, что мрачнел с каждой секундой нашего пути, потом перевела взгляд на Лестера, как всегда уверенного в себе, умело скрывающего тоску по семье за маской безразличия. И, наконец, я обратила внимание на Нэйтана, что спал на моих руках и даже не подозревал, что в его маленькой, недавно начавшейся жизни, уже произошли серьезные перемены, которые неизвестно к чему приведут.

Вот мы уже приблизились к Истону. Молчаливый лес, солнце застряло в густых кронах деревь-

ев и напоминало о себе лишь тусклыми, разбросанными лучами. Мне стало немного легче. Я решила вспомнить о единственном плюсе нашего возвращения — Миди и Джей, Алекс, братья Дерси. Вот по ним я действительно соскучилась, и радостное ожидание предстоящей встречи слегка перекрыло гадкую тревогу в душе.

— С возвращением! — воскликнула Миди и сразу потянула руки к малышу. — Ох, ты ж мой маленький.

Лестер быстро попрощался с нами и отправился на какую-то встречу. Мы стояли в холле, я быстро пробежала глазами по знакомым уголкам, а Стив, что был доме «Абиссаль» впервые, долго и с интересом рассматривал все вокруг.

— Стиви, брателло! — сказал Джей и кинулся с объятиями на Стива.

— Я тоже по тебе соскучился.

— А по мне кто-нибудь скучал? — спросил Дерси-старший, что внезапно вышел из столовой вместе с братом.

— Брайс!

Мы обнялись как родные.

— Ну, показывайте свое произведение искусства.

Я осторожно передала Натаниэля в массивные руки Брайса.

— Не бойся, Нэйтан, этот громила ничего тебе не сделает.

— А он симпатичненький. Так и не поверишь, что вы его родители.

— Ну спасибо, — буркнул Стив.

Дошла очередь до Доминика, который все это время безостановочно буравил меня своим взглядом.

— Привет, сестренка, — сказал он.

— Привет, Доминик.